

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.021

УДК 94(571).081"18"

ББК 63.3(253)53-414,8

В.Я. МАУЛЬ   **ВО ГЛАВЕ «ТАЙНОЙ ДРУЖИНЫ»:
ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО АТАМАНА**

V.YA. MAUL   **AT THE HEAD OF THE «SECRET SQUAD»:
RISE AND FALL OF THE PEASANT ATAMAN**

В статье впервые в историографии рассматривается биография одного из крестьянских вожаков «Чигиринского заговора» 1877 г. Этот заговор был подготовлен в среде бывших государственных крестьян Правобережной Украины революционерами И.В. Бохановским, Л.Г. Дейчем и Я.В. Стефановичем. Ход событий показан в их преломлении в судьбе атамана «Тайной дружины» Ефима Олейника. На основе архивных документов реконструированы черты его жизни до «Чигиринского заговора» и во время самого заговора. Анализируется взлет и падение крестьянского предводителя, вплоть до тюремного заключения и вынесения обвинительного приговора.

For the first time in historiography the article examines the biography of one of the peasant leaders of the «Chigirin Conspiracy» of 1877. This conspiracy was prepared among the former state peasants of Right-Bank Ukraine by revolutionaries I.V. Bokhanovsky, L. G. Deich and Ya.V. Stefanovich. The course of events is shown in their refraction in the fate of the ataman of the «Secret Squad» Yefim Oleinik. On the basis of archival documents the features of his life before the «Chigirin Conspiracy» and during the conspiracy itself are reconstructed. The rise and fall of the peasant leader is analyzed, up to imprisonment and sentencing.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Чигиринский заговор», Киевская губерния, революционеры-народники, государственные крестьяне, «Тайная дружина», крестьянский атаман, Олейник.

KEY WORDS: "Chigirin Conspiracy", Kiev province, revolutionaries-populists, state peasants, «Secret Squad», peasant chieftain, Oleinik.

ВВЕДЕНИЕ. Сформулированная в заголовке проблема впервые в историографии оказывается объектом научного анализа. Никогда прежде не изучались личность и деятельность Ефима Алексеевича Олейника, в 1877 г. неумолимой логикой «Чигиринского заговора» поставленного во главе подпольной крестьянской организации «Тайная дружина». Она возникла по инициативе революционеров-народников (И.В. Бохановский, Л.Г. Дейч, Я.В. Стефанович), попытавшихся с помощью подложных царских бумаг (грамота, устав, присяга) вызвать бунтарское движение среди бывших государственных крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии.

Общая сюжетная канва нашумевшего дела кратко описана в давних и более современных работах зарубежных и отечественных историков [11, с. 206-210; 17, с. 196-230; 25, р. 581-584, и др.]. Однако необходимой познавательной глубины удалось достичь только в последние годы, когда в различных архивохранилищах были найдены новые источники, выявлены неизвестные факты о крестьянском заговоре вообще и его вожаках в частности, произошел методологический поворот в сторону историко-психологического и культурно-антропологического «измерения» прошлого. Все это вкупе привело к достижению более продуктивных научных результатов в изучении «Чигиринского заговора», его предпосылок и последствий [21]. Благодаря успехам историографии нет нужды еще раз повторять

уже знакомый ход событий. Вместо их очередного пересказа целесообразнее акцентировать внимание на нелегкой судьбе одного «маленького» человека, силой обстоятельств втянутого в водоворот большой истории. Актуальность проблематики связана с необходимостью устранить существующие эвристические пробелы в исключительно важной теме, а также на конкретном примере массового народного протеста выявить социокультурную природу, механизмы внутренней детерминации и роль отдельной личности в масштабных социальных конфликтах.

ЦЕЛЬ. Реконструировать черты биографии Е.А. Олейника в период до возникновения «Чигиринского заговора», затем — за полгода участия в нем, закончившегося арестом, тюремным заключением и обвинительным приговором как одному из главных руководителей противозаконного сообщества [4, л. 130]. В то же время политическая ссылка в Восточную Сибирь и годы жизни после возвращения оттуда пока не планируются к рассмотрению, так как требуют дополнительных архивных разысканий и заслуживают специального исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниковую базу преимущественно составили материалы делопроизводства государственных учреждений, в том числе протоколы допросов участников заговора, донесения волостного и уездного полицейского начальства в вышестоящие инстанции, переписка губернских властей, отчеты Киевского ГЖУ в 3-е отделение императорской канцелярии и мн. др. Большинство их не опубликовано и хранится в фондах российских и украинских архивов [1-5; 16; 23 и др.], некоторая же часть вошла в изданные ранее сборники документов [9; 12]. На вооружение взяты методы микроистории и биографического нарратива, дающие возможность восстановить ключевые подробности жизненного пути Е.А. Олейника и через них раскрыть семантику коллективных и индивидуальных актов исторической драмы, развернувшейся в бывших казенных имениях Правобережной Украины в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. О герое нашей статьи в источниках сохранились диаметрально противоположные суждения. Из сообщений отнюдь не беспристрастных официальных документов вырисовывается вполне привлекательный портрет крестьянского лидера. Узнаём, что отставной унтер-офицер, крестьянин с. Шабельники Е.А. Олейник был «человек весьма энергический и смьшленный», «грамотный и весьма разумный», стоявший «выше общей массы крестьян» и «пользовавшийся неограниченным доверием членов Тайной дружины», подчинявшихся «его нравственному влиянию». Без ложной скромности об уважении к нему селян говорил сам Е.А. Олейник [2, л. 32, 171; 4, л. 123об, 75].

Совсем другое отношение сложилось у прямых виновников разжигания заговора из революционных рядов [21, с. 7]. Постфактум они стремились хоть на кого-то сбросить отрицательные эмоции от провала многообещавшей авантюры, и едва ли имелась для этого более удобная мишень. В мемуарах Л.Г. Дейча утверждалось, что Е.А. Олейник «проявлял самые низменные пороки — был корыстолюбив, нечист на руку и пр.». Будто бы у мемуариста уже тогда, «во время ведения агитации среди чигиринцев, возникало опасение, что, при подходящих обстоятельствах, в случае, напр., ареста, Олейник всех и все выдаст, что и подтвердилось» [6, с. 77–78]. К перечисленным изъянам Я.В. Стефанович прибавлял, что крестьянский вожак отличался администраторской неспособностью, что многие неурядицы в дела подпольной организации вносились «честолюбием и корыстолюбием атамана», совершившего, помимо прочего, денежную кражу у товарищей по борьбе. В подтверждение он ссылался на мнение одного из них, что «атаман более, чем кто-нибудь, губил Тайное Общество» [24, с. 209, 210].

При том, что Е.А. Олейник не был, конечно, ангелом во плоти, достойно сожаления, что именно обличительная характеристика, изображавшая его не в лучшем свете, без должной критики была воспринята на веру и закрепилась в историографии. Под ее

влиянием историки прямо обвиняли его в корысти, упрекали в том, что он якобы «утаил часть общественных денег» и приводили иные нелестные отзывы о нем [11, с. 209; 22, с. 121].

Не менее противоречивые сведения сохранились о дате рождения Е.А. Олейника. Из упоминаний ряда источников вытекает, что это могли быть 1828 или 1835 гг. [3, л. 572, 106 об]. Но более достоверной представляется запись в посемейном списке по Шабельницкому сельскому управлению за 1874 г., согласно которой на тот момент ему было полных 40 лет, то есть появление на свет датируется 1833 г. [5, л. 236]. Значит, в феврале 1877 г., когда Е.А. Олейник с ближайшими соратниками приступил к формированию «Тайной дружины», он достиг 43-летнего возраста мужской зрелости, имея за плечами солидный жизненный опыт.

Из полицейского описания известно, что сколько-нибудь броской и яркой внешностью он не обладал, а потому среди особых примет перечислялись вполне заурядные отметины: «на левой ноге ниже колена замечается рубец от бывшего чирья, на правой лопатке родимое пятно коричневого цвета, на шее сзади замечается знак от мушки» [16, л. 4 об]. Рост Е.А. Олейника в пересчете на метрическую систему составлял около 174–175 см (2 аршина 7 $\frac{1}{4}$ вершков), волосы на голове и бровях были темно-русые с проседью, усы — светло-русые, довольно окладистую бороду он, судя по всему, иногда сбрасывал. Серые глаза, длинный нос, обыкновенные рот и лоб, круглый подбородок и чистое лицо дополняли незатейливый облик простого чигиринского хлебороба. При отсутствии в сельской глубинке профессиональных дантистов Е.А. Олейник, как и многие его современники, явно страдал челюстно-лицевыми проблемами. По крайней мере, обращает на себя внимание тот факт, что у него «на нижней челюсти нет с левой стороны 4-х, а с правой 3-х коренных зубов» [16, л. 4 об].

Надо заметить, что для чигиринских и окрестных территорий украинская фамилия Олейник (Олійник) не была редкостью, в одной только Шабельницкой волости в 1870-х гг. зафиксированы десятки таковых жителей [5, л. 10об, 121–121об, 122–122об, 248–248 об]. Более того, сведения об Олейниках по данному региону встречаются в документах весьма отдаленных времен. Например, в росписи Войска Запорожского от 1649 г. в составе Марковой сотни Черкасского полка упоминалось имя Остапа Олейника. Войсковым товарищем Нежинского полка в 1677 г. был Данило Олейник. В Реестре запорожского казачьего войска от 1756 г. встречаются казаки Петро и Федор Олейники, и это лишь малая толика всех стародавних носителей фамилии [10, с. 270; 19, с. 46]. Хотя родство Е.А. Олейника с кем-либо из них не установлено, похоже на то, что его местная генеалогия уходила корнями, как минимум, в героический период национально-освободительной борьбы украинского народа, когда Чигирин на несколько десятилетий превратился в гетманскую столицу.

Несмотря на историческую укорененность предков, о жизни самого Е.А. Олейника от рождения до «Чигиринского заговора» в источниках сохранилось мало конкретных сведений. Те же, что есть, носят в основном справочный характер (метрические книги, исповедальные ведомости, посемейные списки и т.п.). Поэтому отдельные штрихи биографии приходится собирать буквально по крупицам прямых и косвенных упоминаний архивных документов.

В родительской семье (отец — Алексей, мать — Степанида) Ефим оказался младшим из четырех братьев, причем возрастная дистанция между ними была значительной: со старшим братом Петром — 19 лет, со средними братьями Никитой и Пантелеймоном — 8 и 4 года соответственно [5, л. 121, 122, 236, 248].

Повзрослев, в 1855 г. Е.А. Олейник поступил на действительную военную службу [3, л. 572]. Буквально накануне холостой 22-летний парубок отгулял родину и крестины

у односельцев Трофима и Лукии Нощенко дочери Агриппины, чьим приемником ему довелось стать 16 июня того же года [23, л. 594об-595]. Согласно славянской народной традиции в крестные родители обычно старались приглашать людей, «обладающих высокими моральными качествами, без физических недостатков», истинно религиозных по убеждениям [20, с. 658–663]. Поскольку считалось, что от выбора приемников зависит будущая судьба новорожденного ребенка, надо полагать, земляки признавали за молодым Е.А. Олейником наличие высоких личностных достоинств.

Шанс доказать прочность своей исконной веры в Господа, царя и Отечество он получил в последующие 15 лет, когда в составе Кабардинского пехотного полка не единожды рисковал головой в боевых операциях Кавказской войны. По свидетельству очевидца, в ходе ожесточенных боев «с усилившимися под властью Шамиля горцами, самые кровавые эпизоды, самые изумительные геройские подвиги связаны с именем Кабардинского полка» [7, с. VI]. Среди таковых за время службы Е.А. Олейника можно назвать участие в делах при реке Джалка, поход к чеченскому аулу Гурдали, блестящую победу над 15-тысячным отрядом Шамиля под Истисом, отличия при взятии укреплений в Таузенской долине, штурме Ведено и мн. др. [8, с. 53–451].

Все вехи армейской карьеры Е.А. Олейника, по его утверждению, были «прописаны в моем указе об отставке, который находится у меня дома» [3, л. 572]. О доблестной службе чигиринца красноречиво говорит унтер-офицерское звание и награждение «орденами за подвиги на Кавказе» [9, с. 149]. Боевая закалка, знакомство с географией и этнической спецификой покоряемого края расширяли кругозор, влияя на характер и взгляды Е.А. Олейника. Выработывалась дисциплинированность, крепили верность присяге и готовность повиноваться приказам командиров, ответственность за товарищей и порученное дело, чувство взаимопомощи и другие востребованные чрезвычайной обстановкой качества. Сказывалась также особая аура полковой атмосферы, сложившейся на театре войны. На Кавказе «не сочиняли бесчисленных правил, уставов, регламентаций, жили, как указывали условия жизни, имели всегда пред глазами смерть, помнили, что солдат тоже человек, разумное существо, не обирали его, не гнушались им, не третировали его с высоко, не вгоняли в него постоянного страха, не могли, наконец, не уважать его, видя как он рос вместе с опасностью, развивался нравственно» [8, с. 76–77]. Названные факторы, полтора десятка лет исподволь воздействовавшие на сознание, формировали психологические установки восприятия будущим атаманом «Тайной дружины» неразрывной взаимосвязи человеческого достоинства с верноподданническим долгом.

Служба Е.А. Олейника пришлась на переломную для страны эпоху так называемых великих реформ, которые катком прошли по Чигиринскому уезду и родным Шабельникам [13; 25, р. 581–582]. Демобилизовавшись в 1870 г., он уже не застал в живых свою мать, старшего брата Петра и двух его сыновей Якова и Дементия, двоюродную сестру Евдокию, невестку Зиновию и др. [5, л. 121–121об, 122об, 248]. Горечь потерь компенсировалась радостью знакомства с восемью выросшими в его отсутствие племянниками, встречами с другими родственниками и старыми друзьями. Обнаружился в селе и неожиданный островок стабильности в лице церковного причта во главе со священником Василием Татаровым. Его многолетнюю порочную жизнь, приведшую к падению нравственного авторитета в глазах прихожан, Е.А. Олейник назвал пусть второстепенной, но одной из причин крестьянского движения против кабальных условий аграрной реформы [4, л. 74; 13, с. 57–65].

Вскоре последовали перемены и в личной судьбе. Геройский унтер с боевыми наградами, умевший рассказывать захватывающие истории о кавказских приключениях, был обречен на пристальное внимание со стороны деревенских невест. Одна из них (по имени Феодора) стала его суженой, причем новобрачная была на 13 лет моложе супруга.

14 сентября 1873 г. у них родился первенец Никита, видимо, названный в честь старшего из оставшихся братьев. Через четыре с небольшим года последовало новое прибавление в семье — дочка Мария [3, л. 572; 5, л. 236–236 об]. Приятные переживания в то же время ставили перед недавним служакой непривычную дилемму: как самостоятельно прокормить растущую семью, если во всем Чигиринском уезде «после бывших в 1875 году волнений крестьяне сильно обеднели» [4, л. 74]. Потому и у него самого имелись лишь «одна десятина пахотной и небольшое количество усадебной земли, на которой построен дом, стоящий всего двадцать рублей» [16, л. 31]. К этому добавлялось бремя подушных и иных обязательных платежей, размер которых неуклонно возрастал [13, с. 60–62]. Между тем, помимо нелегкого труда пахаря, другого мастерства, способного стать спасительным подспорьем в быту, он не знал. Так что у Е.А. Олейника, надо полагать, не было иного выбора, как по примеру односельчан уходить на сезонные заработки в Херсонскую губернию, где «в имениях помещиков ощущался постоянно недостаток в рабочих силах, в особенности в летнее время при уборке трав и хлебов» [1, л. 21]. Но даже столь энергозатратный, отнимающий силы и время способ периодически пополнять семейный бюджет не решал экзистенциальных проблем жителей разоренной экзекуциями и реквизициями Шабельницкой волости [13, с. 60, 63–65].

Как повелось исстари, так и теперь в трудную годину, у чигиринцев (православных монархистов по убеждениям [14]) не оставалось другой надежды, кроме как на добрую волю «царя-батюшки». Не зря же он мыслился «своеобразным источником общего блага, неким олицетворением благополучия и крайне важной для крестьян общественно-политической стабильности». В их «далеко не рациональных представлениях царь виделся грозным карающим началом, носителем правды, земным провидением» [18, с. 24]. От него одного ждали защиты и помощи против зловредных чиновников, панов и попов, которых традиционно подозревали в искажении высочайшей воли [13, с. 63–65]. Тем легче монархически настроенным крестьянам было поверить, что самодержец и впрямь своим указом повелел «наделить их землею в достаточном количестве и освободить от платежа податей» [4, л. 74], но будто бы «указ этот скрывается местными властями и священниками в церквях на престолах» [1, л. 13 об]. Об этом совершенно определенно сообщалось в многочисленных слухах, с начала 1870-х гг. стихийно разносившихся по уездной округе. Дополнительный импульс им был придан действиями Я.В. Стефановича, ставившего задачу организовать в бурлящей недовольством сельской местности крестьянское восстание. По словам современных нам историков, «ситуация для реализации “чигиринского плана” была крайне удачной. В данном случае совпало все: наличие идеи, материал для ее воплощения и личность, готовая этот план реализовать» [15, с. 84]. В рамках намеченных мероприятий Я.В. Стефанович объявил себя с товарищами «царскими комиссарами» и для укрепления присвоенного звания преднамеренно эксплуатировал промонархические чаяния населения. Согласно сведениям источников, еще зимой 1875 г. он «скитался на побережьях р. Днепра, и распространял слухи о том, что дело крестьян о переделе земли еще не погребло, что о нем уже два раза докладывали Государю Императору и что скоро они получат полное удовлетворение» [2, л. 32].

Примерно в то же время Я.В. Стефанович завязал первые контакты с шабельницкими крестьянами, находившимися в Киеве под надзором полиции за участие в аграрных беспорядках. Через них нити заговора перекинулись в недавно усмиренный с помощью войск, но не смирившийся с навязанной кабалой Чигиринский уезд [3, л. 580–581 об, 586–588 об; 24, с. 147–155].

Впоследствии на допросе Е.А. Олейник показал, что о подготовке заговора узнал «от крестьянина Лазаря Тененика, который прийдя к нему 31 января 1877 года, стал рассказывать, что в Киеве какие-то комиссары говорили ему, что в России уже много обра-

зовалось таких тайных обществ, которые по приказу Государя Императора разделили все земли и леса поровну, и что они советуют и Шабельникам крестьянам составить подобное же общество, чтобы таким путем получить душевой надел по 15 десятин на душу. При этом Тененик советовал ему ехать в Киев, получить там устав общества» [4, л. 74].

Жестокие уроки прежней жизни отучили Е.А. Олейника от слепого доверия чужим словам, пусть даже звучавшим из уст хорошего знакомого. Поэтому поначалу он не проявил особого желания присоединиться к опасной затее. От предложения «съездить тогда в Киев и прочесть означенный устав» он отказался под предлогом, что «не мог оставить дома одну жену и малых детей» [3, л. 572 об]. Хотя, в принципе, был не против узнать подробности дела, если «ему принесут бумаги в Шабельники, где он их и пересмотрит» [3, л. 588]. Естественные сомнения быстро развеялись при чтении «Высочайшей тайной грамоты», в которой от имени венценосца подтверждалось, что он «давно желал наделить нас землею, но что ему мешали в этом чиновники и дворяне; что поэтому нужно соединяться в тайные дружины и подготавливаться к восстанию против чиновников и дворян». Проникнувшись сакральной силой «царских» слов, Е.А. Олейник признал, что «это дело хорошее и что поэтому нужно набирать дружины» [3, л. 581, 581 об]. Перемена взглядов, словно индикатор, отразила глубину его убежденности, что все «производится действительно по повелению Государя Императора» [4, л. 71]. В таком случае нечего было предаваться умозрительным рассуждениям, надо было действовать решительно и быстро.

Обзаведясь печатным экземпляром устава, Е.А. Олейник вместе с Л.А. Тенеником занялись рекрутированием членов организации «сначала в Шабельниках, затем в с. Мордва и в волостях Адамовской и Рацевской» Чигиринского уезда. Бесхитростная вера в поддержку государя явилась побудительным стимулом крестьянской активности, когда за первые же дни (24–28 февраля) в дружину вступило 250 человек [2, л. 149об-150]. Процесс институционализации завершился в ночь на 1-е марта 1877 г. «около местности называемой “Раскопанная Могила”», где собрались записавшиеся в общество, «и, согласно уставу, разделились на староства, которые избрали себе старост» [2, л. 32 об]. Судя по всему, признанием незапятнанной репутации Е.А. Олейника в глазах крестьян стала доверенная ему должность атамана «Тайной дружины». Правда, сам он утверждал, что это произошло позже — почти через два месяца в доме Николая Охрименко в селе Россошинцы в присутствии «царских комиссаров» Дмитро Найды (Я.В. Стефановича) и некоего Семёна или Бориса (судя по всему, И.В. Бохановского). Они предложили крестьянам «избрать себе главного начальника; те избрали меня и Найда объявил мне, что я буду атаманом» [3, л. 574–574об, 582].

Какая бы из двух версий ни была верна, по общему правилу устава избранник мог занимать пост не более трех месяцев, если только он не назначался по рекомендации «царских комиссаров». Тогда без их согласия его нельзя было сместить. В уставе подчеркивалось, что «атаман избирается из самых лучших дружинников», и это обстоятельство в очередной раз говорит в пользу Е.А. Олейника, коль скоро избрали его, а не кого-то другого. Через него дружина поддерживала связь с «комиссарами», а те будто бы «с самим Его Императорским Величеством». Атаман обязывался сообщать наверх актуальную информацию «о делах дружины, имена ненадежных членов, а также имена особенно старательных для дела». Кроме того, в уставе оговаривалась предсказуемая для селян возможность, когда во главе «Тайной дружины» оказался бы неграмотный человек, что не должно было становиться для него препятствием, поскольку он мог взять себе писаря [4, л. 72 об]. Впрочем, пока главенствовал грамотный Е.А. Олейник, никаких неразрешимых казусов в этой связи не возникало.

По разъяснениям Я.В. Стефановича, атаман дружины, — это, «так сказать, власть исполнительная, рада — законодательная» [24, с. 152]. Именно в тесном союзе со Старост-

ской Радой атаман Е.А. Олейник старался действовать в интересах тайной организации. На неизведанном для него поприще он проявил себя вполне эффективным лидером. Помогала, видимо, военная закалка с ее приматом единоначалия, в силу чего Е.А. Олейник иногда норовил сосредоточить в своих руках все руководство разросшейся за тысячу человек дружиной. С первых же дней в повседневную практику атамана вошла забота об организации крестьянских сходок, где ему приходилось приводить к присяге десятки неопитов. Со временем эти функции он переложил на плечи старост, а сам ограничился сбором с них списков присягнувших, которые «сшивал в особую тетрадку» [3, л. 573 об].

Многочисленно по просьбам товарищей Е.А. Олейник, посещая одну волость за другой, занимался разъяснительной работой, «так как никто из наших крестьян не знал, как следует вести списки принявших присягу и как вообще вести это дело» [3, л. 584]. Он толковал для непонятливых смысл «царских» бумаг: дескать, государь давно «сделал распоряжение о том, чтобы вся земля была отобрана от дворян и разделена между крестьянами, но что это распоряжение скрыли будто бы чиновники». Отчаявшись самостоятельно с ними бороться, император «требует, чтобы крестьяне составили из себя Тайные дружины, заготовили оружие и силою отняли бы у дворян землю». Перебив «чиновников за неисполнение будто бы ими означенного распоряжения Государя Императора», следует приступить к черному переделу «между всеми крестьянами по ровну без всяких податей» [3, л. 584 об].

Когда же подобные разъяснения не убеждали, для сохранения дисциплины неоднократно приходилось твердой рукой пресекать ропот сомнений, как, например, в ходе полемики о толковании устава «Тайной дружины». Возражая критикуемому оппоненту, Е.А. Олейник обронил едкую реплику, мол, «ты следовательно умнее меня» [4, л. 85 об]. А одному из недоверчивых слушателей с угрозой заявил, «что прослужа 15 лет в военной службе, он дело это понимает лучше, и что если показатель не поступит в члены общества, то “я”, продолжал Ефим Олейник, “выбран от членов дружины атаманом и по этому могу донести о тебе кому следует, и ты будешь казнен”» [4, л. 90]. В другой раз шабельницкий житель Антон Комаренко попытался было увильнуть от назначения старостой. И тут же, как он вспоминал, «Олейник мне на это ответил: а ты думаешь, что так и будет?» Хотя впоследствии все же сменил гнев на милость [3, л. 589об, 590]. Из источников также известно, что Е.А. Олейник где-то в лесу «собранным крестьянам с. Мордвы и Шабельник» читал письмо, «в котором комиссары отказывались от крестьян за то, что они себя выдают, а их арестовывают [12, с. 343], тем самым ставя под удар существование тайного сообщества. Порой нерадивых дружинников за неповиновение приходилось наказывать, подобно Науму Власенко, за неявку на сходку старост «Олейник оштрафовал его тремя рублями» [4, л. 77] и т.д.

Одним словом, у атамана сполна хватало регулярных и чрезвычайных забот по организации крестьянского движения в Чигиринском уезде, и не все его действия увенчивались успехом. Порой приходилось сталкиваться с досадными неудачами, как это было при попытке вооружить участников готовящегося восстания, для чего он «заказал изготовить пики кузнецу Артемчуку, но последний сделал ему и крестьянину Михаилу Ляшенко по одной только пике и от дальнейшей работы отказался» [4, л. 75].

Согласуясь с уставным порядком, Е.А. Олейник трижды встречался с «царскими комиссарами», и каждый раз они вручали «печатные уставы, денежные пособия и давали советы и наставления к поддержанию и укреплению» целей сообщества [4, л. 4]. Правда, первое из назначенных свиданий «в последних числах мая месяца» в м. Смеле Черкасского уезда Е.А. Олейник проигнорировал, вызвав недовольство организаторов заговора [4, л. 74]. Последующие встречи также неизменно проходили по инициативе «комиссаров» и в выбранных ими местах: 6 июня 1877 г. в г. Новогоргиевске (Крылове) Херсон-

ской губернии, 25 июня и 25 августа того же года — в Киеве. Как раз в Крылове Д. Найда «объявил, что устраняет его от должности атамана и назначает вместо него — Кузьму Прудкого», к которому испытывал большое доверие [4, л. 83об; 24, с. 209]. Получается, что пребывание Е.А. Олейника во главе «Тайной дружины» продлилось отмеренные уставом три месяца (отсчитывая от событий на «раскопанной могиле») или того меньше, если вести счет от сходки в Россошинцах в конце апреля. Тем не менее, лишение полномочий не заставило его отказаться от заглавной роли в организации. Из полученных суммарно от «комиссаров» 400 или 800 рублей (по разным данным), атаман «выдавал по полтине и по рублю нуждающимся крестьянам», и «преимущественно семействам лиц арестованных по настоящему делу» [2, л. 33об-34; 4, л. 73 об]. С самими же дружинниками, томящимися в застенках, поддерживал связь через записки, «сообщая о ходе деятельности сообщества, убеждал заключенных строго хранить тайны этого сообщества и при этом уведомлял, что семейства их получили от него пособие» [4, л. 96].

До последнего дня на воле Е.А. Олейник, выполняя указания Д. Найды, старался приучать дружинников к азам конспирации, с которой и сам был не сильно в ладах. С этой прагматичной целью установили пароль «Воздвижное» и «положено было назначить обход по ночам, так как прошел слух, будто поляки ходят шайками и намерены напасть на крестьян совместно с пайковыми» [4, л. 74об-75]. Но не понимавшие необходимости принимаемых мер крестьяне не смогли удержать тайну заговора, слухи о нем расползлись по уезду и неизбежно дошли до начальства [14, с. 234]. Дознание, начатое чигиринским исправником и подхваченное киевскими жандармами, быстро установило личности главных крестьянских вожаков, среди которых сразу прозвучало имя Е.А. Олейника. Какое-то время, покинув дом и скрываясь у соседей, ему удавалось избегать ареста и продолжать кипучую деятельность, пока измена не проникла в ближайшее окружение. В результате полицейской спецоперации «для задержания упорно скрывающегося отставного унтер-офицера Евфима Олейника» он был выдан теми, в ком чаял обрести опору [4, л. 74]. Произошло это 29 августа 1877 г., вскоре после приезда из Киева от «царских комиссаров». Нежданным предателем оказался участник совместной поездки, активист из Адамовки Андрей Приходько. «По возвращении домой,— вспоминал он,— Олейник мне назначил ночь, когда я должен был явиться к нему для совета по делам дружины, но я к нему тогда не пошел, а заявил об этом г. Исправнику и Олейника в эту ночь арестовали» [3, л. 585–585 об]. Причем, как задумали правоохранители, «для отклонения подозрения» сам А.В. Приходько тоже был «захвачен» полицией, благодаря чему Е.А. Олейника удалось ввести в заблуждение о виновниках его бедствий. Попав в руки служителей закона, он напоследок со смирением лишь попытался утешить кричавшую от горя жену: «не беспокойся, такая участь наша!» [4, л. 74].

На допросе атаман-невольник выразил полную уверенность в симпатиях к нему крестьян, «что не обошлось бы без деятельной со стороны их защиты, в случае его ареста днем» [4, л. 75]. Так, кстати, бывало в истории чигиринских волнений предшествовавших лет (Ф.Д. Прядко, Н.Е. Лихошерстая и др.), и всегда готовность селян к сопротивлению становилась мерилем их доверия к вожакам. Едва ли казус Е.А. Олейника нужно возводить в разряд исключений из этого правила. Справедливость озвученной им версии позднее подтвердил Я.В. Стефанович, узнавший от очевидцев подробности происшествия. Общаясь в тюрьме с чигиринцами, он выяснил, что во время ареста Е.А. Олейника «народ стоял огромной толпой тут же около против выстроенного ряда солдат». Причем дружинники «выражали намерение броситься отбивать атамана», но не решились на смелый шаг, потому что «не нашлось такого, который первым бы двинулся с места» [24, с. 212]. В наэлектризованной атмосфере, казалось, стоило Е.А. Олейнику бросить клич, как народный скоп взорвется протестом и вырвет его из рук врагов. Но не произошло ни пер-

вого, ни второго: 1) атаман не обратился за помощью и не попытался пуститься в бега по примеру некоторых заговорщиков; 2) стоявшие в оцепенении крестьяне, не увидев в нем былой решимости, ограничились глухим ропотом.

Однако не будем спешить с обвинениями в том, что предводитель «Тайной дружины» дрогнул в ответственный момент, проявив несвойственную прежде слабость и изменив соратникам по борьбе (так, кстати, считали Л.Г. Дейч и Я.В. Стефанович). Напротив, есть основания полагать, что наступившая развязка подготавливалась всем ходом событий и сопутствующими им раздумьями не только Е.А. Олейника, но и большинства рядовых сообщников. Известно, что идея «Чигиринского заговора» изначально и до конца опиралась на преданность крестьян монарху, на веру в его высочайшие распоряжения бороться с панями и чиновниками, нарушившими волю государя [14, с. 227–230]. Об этом свидетельствовали популярные в уезде слухи о милостивых царских указах, об этом же говорила каждая строчка документов, предъявленных крестьянам от имени царя. Ради виртуального единения с венценосцем они, разумеется, были готовы создать подпольное сообщество и выполнять указания «царских комиссаров». Но лишь до тех пор, пока не сомневались в их легитимности. Один из первых историографов чигиринских беспорядков А. Тун был абсолютно прав. Я.В. Стефанович «хорошо знал, что он делал: только благодаря имени царя ему удалось побудить крестьян создать тайный союз; ему никогда не удалось бы это в качестве агента социалистического комитета» [22, с. 122]. Через несколько лет, находясь в Киевском тюремном замке, Е.А. Олейник и другие лидеры крестьянского подполья именно так и объясняли свое поведение: «Не знали мы тогда, что эти лица были самозванцы, действующие в разрезе с твоими, всепресветлейший государь, мудрыми распоряжениями» [9, с. 150].

Общение с «царскими комиссарами», форма и логика их поступков, речи и внешний вид и до того время от времени вызывали недоверие состоявшихся и потенциальных заговорщиков [14, с. 232–237]. Сомнения периодически посещали даже руководителей «Тайной дружины». Еще во время июньской встречи с «комиссарами» Е.А. Олейник «заподозрил их в том, не обманывают ли они нас, и высказал было свое намерение их связать и предъявить в Полицию, но Кузьма Прудкой возразил мне и сказал, что за подобный поступок я подлежу по уставу к смертной казни и я оставил поэтому свое намерение». Присутствовавший при разговоре А.С. Комаренко подтвердил слова Е.А. Олейника, что скоро «придут два человека и что вероятно они мошенники, что их следует связать и отвести в Полицию» [3, л. 576–576об, 589]. Не случайно, по признанию атамана, после августовской поездки в Киев он все-таки решился осуществить намерение, «думал на следующий же день отправиться к исправнику и заявить о всей организации нашего общества», и если бы «не был задержан, то явился сам добровольно, так как начал сознавать неправоту настоящего дела» [3, л. 579; 4, л. 75].

Знакомство с жизнью и взглядами Е.А. Олейника не оставляет тени сомнения в его искренности. То, что в глазах революционеров, принципиальных врагов самодержавия, выглядело изменой общему делу, для монархически настроенного главы заговора «от имени царя» было естественным стремлением искупить невольную вину перед Богом и государем. Неприкрытый цинизм мнимых комиссаров проявился даже здесь: вероломно обманув чигиринских крестьян, обманщиком они почему-то назначили поверившего им Е.А. Олейника. Впрочем, по сообщению Я.В. Стефановича, после ареста бывший атаман якобы «недели две крепился и даже устоял против побоев. Но будучи привезен в Киев, он, как солдат, против магического действия генеральских эполет Павлова устоять не мог и рапортовал все, что только знал и даже больше, чем было на самом деле» [24, с. 212]. Однако более верной представляется оценка вышеупомянутого А.С. Павлова, тогдашнего начальника Киевского ГЖУ. В отношении к губернатору Н.П. Гессе он прямо признал:

«Более ловкого и полезного сотрудника для обнаружения всего того, что требуется от производящих дознание, каким могла быть личность Алейника, приискать невозможно». Иной расклад трудно представить: глубина раскаяния Е.А. Олейника компенсировалась добровольностью показаний на допросах. К сожалению, «не взирая на его полную готовность содействовать властям к достижению главной цели, т.е. прекращения дальнейшего развития этого опасного движения», правоохранители подошли к вопросу формально, не решившись «воспользоваться его услугами, ибо по Закону, он не может быть освобожден из под стражи иначе как только по приговору суда». Но ожидания главных фигурантов дела «удостоиться помилования за преступление совершенное ими единственно по недоразумению и легкомыслию» не сбылись. В конечном счете, после нескольких лет тюремных мытарств, Е.А. Олейника осудили на поселение в отдаленнейших местах Сибири. 5 апреля 1881 г., «согласно депеше Начальника Главного Тюремного Управления», он был отправлен «из Киева в распоряжение Орловского губернатора» для заключения «в Мценскую тюрьму вплоть до отправления» к месту назначенного наказания [2, л. 171об, 210об-211; 4, л. 108-108об, 161]. Начиналась новая страница и без того непростой биографии крестьянского атамана «Тайной дружины».

ВЫВОДЫ. Подводя итоги, необходимо заметить, что в судьбе простого чигиринского крестьянина Е.А. Олейника, словно в зеркале, отразились боль и страдания пореформенной России. Заявленные как модернизация сельского хозяйства, аграрные инновации государства, по сути, поставили казенную деревню Правобережной Украины на грань нищеты. Возникшим крестьянским недовольством захотели воспользоваться революционные силы, в борьбе с царским режимом мечтавшие о пожаре народного бунта. В начавшейся игре политических амбиций наш герой, подобно другим участникам «Чигиринского заговора», оказался не субъектом, а объектом истории, той разменной пешкой, которой каждый из игроков готов был пожертвовать ради вождельной победы.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109, 3-я экспедиция. 1875. Д. 144.
2. ГАРФ. Ф. 109, 3-я экспедиция. 1877. Д. 262. Ч. 1.
3. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476.
4. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477.
5. Державний архів Черкаської області (ДАЧО). Ф. 658. Оп. 1. Д. 1.
6. Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Сборник материалов и статей. Ред. журн. «Исторический архив». Вып. 1. М.: Госиздат, 1921. С. 73–79.
7. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726–1880). Т. 1. СПб.: Типогр. В. Грацианского, 1881. 498 с.
8. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726–1880). Т. 3. СПб.: Типогр. В. Грацианского, 1881. 538 с.
9. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. / Под ред. П.А. Зайончковского. М.: Наука, 1968. 613 с.
10. Кривошея В.В., Кривошея И.И., Кривошея О.В. Неурядова старшина Гетьманщини. Київ: Сталос, 2009. 432 с.
11. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Политиздат, 1991. 302 с.
12. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.) / за ред. К. Гребенкіна. Харків: Видання Центрального архівного управління УСРР, 1934. 440 с.
13. Мауль В.Я. В цепи Великих реформ: казенная деревня на переломе (Чигиринский уезд, Киевская губерния) // Вестник Рязанского государственного университета. 2021. № 2. С. 56–68.

14. Мауль В.Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 221–240.
15. Милевский О.А., Терехова С.А. На пути к «Чигиринскому заговору»: ранняя революционная деятельность Я.В. Стефановича // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020. № 3 (66). С. 72–90.
16. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. И-12. Оп. 15. Д. 60.
17. Пойда Д.П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск: Днепропетровское областное изд-во, 1960. 488 с.
18. Присяжнюк Ю.П. Віра українських селян в «добрих царів» після скасування кріпацтва // *Культура народів Причорномор'я*. 2001. № 24. С. 123–126.
19. Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора с королем Польским Яном Казимиром, составленные 1649 года, октября 16 дня, и изданные по подлиннику О.М. Бодянским. М.: Изд-е Императорского ОИДР, 1875. 337 с.
20. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2: Д-Ко. М.: Междун. отнош-я, 1999. 689 с.
21. Терехова С.А. «Чигиринский заговор» в современной российской историографии // *Народники в истории России*. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2019. С. 7–16.
22. Тун А. История революционного движения в России. Петроград: Типогр. П.П. Сойкина, 1917. 293 с.
23. Центральний Державний Історичний Архів України м. Київ (ЦДІАК України). Ф. 127. Оп. 1012. Д. 3001.
24. Я.С. Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная дружина» (Опыт революционно-народной организации) // *Памятники агитационной литературы*. Т. 1: Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880–1881 г. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 141–165, 199–214.
25. Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth Century Russia*. New York: Alfred A. Knopf, 1960. 850 p.

References

1. *Gosudarstvennyi arhiv Rossiiskoi Federacii* [State Archive of the Russian Federation] (SARF). Fond 109 (3rd expedition, 1875). Case 144. (In Russian).
2. SARF. Fond 109 (3rd expedition, 1877). Case 262. Part 1. (In Russian).
3. SARF. Fond 112. Inv. 1. Case 476. (In Russian).
4. SARF. Fond 112. Inv. 1. Case 477. (In Russian).
5. *Derzhavnij arxiv Cherkas'koï oblasti* [State archive of Cherkasy region] (SACR). Fond 658. Inv. 1. Case 1. (In Russian).
6. Dejch L.G. *Zagovor sredi krest'yan Chigirinskogo uezda* [Conspiracy among the peasants of Chigirin district] // *Sbornik materialov i statej. Red. zhurn. «Istoricheskij arxiv»*. М.: Gosizdat, 1921. S. 73–79. (In Russian).
7. Zisserman A.L. *Istoriya 80-go pexotnogo Kabardinskogo general-fel'dmarshala knyazya Baryatinskogo polka. (1726–1880)* [The history of the 80th Infantry Kabardian Field Marshal Prince Baryatinsky regiment. (1726–1880)]. Т. 1. SPb.: Tipogr. V. Gracianskogo, 1881. 498 s. (In Russian).
8. Zisserman A.L. *Istoriya 80-go pexotnogo Kabardinskogo general-fel'dmarshala knyazya Baryatinskogo polka. (1726–1880)* [The history of the 80th Infantry Kabardian Field Marshal Prince Baryatinsky regiment. (1726–1880)]. Т. 3. SPb.: Tipogr. V. Gracianskogo, 1881. 538 s. (In Russian).
9. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gg.* [The peasant movement in Russia in 1870–1880] / Ed. by P.A. Zajonchkovsky. М.: Nauka, 1968. 613 s. (In Russian).
10. Krivosheya V.V., Krivosheya I.I., Krivosheya O.V. *Neuryadova starshina Get'manshhini* [Non-governmental foreman of the Hetmanate]. Київ: Stilos, 2009. 432 s. (In Ukrainian).
11. Litvak B.G. *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' refor-matorskaya al'ternativa* [The Coup of 1861 in Russia: why the reformist alternative has not been implemented]. М.: Politizdat, 1991. 302 s. (In Russian).

12. *Materiali do istorii selyan'skix revolyucijnix ruxiv na Chigirinshhini (1875–1879 rr.)* [Materials to the history of rural revolutionary movements in the Chigirin Region (1875–1879)] / Ed. by K. Grebenkin. Kharkiv: Publication of the Central archival administration of the USSR, 1934, 440 s. (In Russian).
13. Maul` V.Ya. *V cepi Velikix reform: kazennaya derevnya na perelome (Chigirinskij uezd, Kievskaya guberniya)* [In the chain of Great reforms: the state village at the break (Chigirin district, Kiev province)] // Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin. 2021. № 2. S. 56–68. (In Russian).
14. Maul` V.Ya. «Chigirinskij zagovor» i krest'yanskaya psixologiya [The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology] // Quaestio Rossica. T. 5. 2017. № 1. S. 221–240. (In Russian).
15. Milevskij O.A., Terexova S.A. *Na puti k «Chigirinskomu zagovoru»: rannaya revolyucionnaya deyatel'nost' Ya.V. Stefanovicha* [On the way to the «Chigirin Conspiracy»: the early revolutionary activity of Ya.V. Stefanovich] // Surgut State Pedagogical University Bulletin. 2020. № 3 (66). S. 72–90. (In Russian).
16. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (Jakutija) (NARS (Ja))* [National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya))]. Fond 12. Inv. 15. Case 60. (In Russian).
17. Pojda D.P. *Krest'yanskoe dvizhenie na Pravoberezhnoj Ukraine v poreformennyj period (1866–1900 gg.)* [Peasant movement in Right-Bank Ukraine in the post-reform period (1866–1900)]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskoe oblastnoe izd-vo, 1960. 488 s. (In Russian).
18. Prisyazhnyuk Yu.P. *Vira ukraïns'kix selyan v «dobrix czariv» pislya skasuvannya kripacztva* [Faith of Ukrainian peasants in « good tsars « after the abolition of serfdom] // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2001. № 24. S. 123–126. (In Ukrainian).
19. *Reestra vsego Vojska Zaporozhskogo posle Zborovskogo dogovora s korolem Pol'skim Yanom Kazimirom, sostavlenny'e 1649 goda, oktyabrya 16 dnya, i izdannyy'e po podlinniku O.M. Bodyanskim* [The register of all the Zaporozhian Troops after the Zborovsky Treaty with the Polish King Jan Kazimierz, compiled in 1649, October 16 days]. M.: Izd-e Imperatorskogo OI DR, 1875. 337 s. (In Ukrainian).
20. *Slavyanskie drevnosti: e'tnolingvisticheskij slovar'* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary] / Ed. by N.I. Tolstogo. T. 2: D-Ko. M.: Mezhdun. otnosh-ya, 1999. 689 s. (In Russian).
21. Terexova S.A. «Chigirinskij zagovor» v sovremennoj rossijskoj istoriografii [The «Chigirin Conspiracy» in Modern Russian Historiography] // Narodniki v istorii Rossii. Vy`p. 3. Voronezh: Istoki, 2019. S. 7–16. (In Russian).
22. Tun A. *Istoriya revolyucionnogo dvizheniya v Rossii* [History of the Revolutionary Movement in Russia]. Petrograd: Tipogr. P.P. Sojkina, 1917. 293 s. (In Russian).
23. *Central'nij Derzhavnij Istorichnij Arhiv Ukraïni m. Kiïv* [Central State Historical Archive Of Ukraine] (CSHAK). Fond 127. Inv. 1012. Case 3001. (In Russian).
24. *Ya.S. Chigirinskoe delo. Krest'yanskoe obshhestvo «Tajnaya družhina» (Opy`t revolyucionno-narodnoj organizacii)* [The Chigirin affair. Peasant Society «Secret Squad» (Experience of the revolutionary people's organization)] // Pamyatniki agitacionnoj literatury`. T. 1: Cherny`j peredel. Organ socialistov-federalistov. 1880–1881 g. M.; Pg.: Gosizdat, 1923. S. 141–165, 199–214. (In Russian).
25. *Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth Century Russia*. New York: Alfred A. Knopf, 1960. 850 p. (In English).